

Рце. курьер. - 2004. - 12 ноября. - в. 21

Волшебный яд музыки

Константин КЕДРОВ

Без авторского голоса с пафосным доронинским придыханием и мхатовско-товстоноговским сарказмом тексты Радзинского, конечно, что-то теряют. Зато сюжет приобретает упругость, и слушатель уже не проваливается в смысловые ямы однотипных наигранных эмоций.

Как истинный драматург, Радзинский должен внести в привычный моцартовский сюжет свою интригу и, конечно же, ее вносит. Благодетель Моцарт, барон, похоронивший композитора за свои деньги, превратился в некоего черного человека, который в молчаливом заговоре вместе с пресловутым Сальери и бездарным вельможей, желающим прославиться, доводит гения до преждевременной смерти. Набившая оскомину, романтическая история о том, как Моцарта если не отравили, то затравили.

Между тем загадка, вернее тайна, Моцарта остается. Смерть его не случайно так поразила современников и потомков. Диагнозы болезни меняются едва ли не каждые 5 лет. То почки, то отравление с постоянно меняющимся набором ядов, то просяная лихорадка, то сухотка спинного мозга, то просто нервное истощение. Радзинский выбрал последний вариант. Впечатлительного гения запугали реквиемом. Убедительно? И да и нет. Моцарт действительно был впечатлительным. Много думал и писал о смерти. Называл ее, костлявую, «благодетелем человечества». Как и положено истинному масону, много думал о смерти. От чего бы он ни умер, а этот человеческий фактор очень даже серьезный. Пожалуй, Радзинский прав – это го со счетов не сбросишь.

Теперь о Сальери. В последнее время стало модно всячески возвышать, вернее завышать, шкалу оценки его творчества. Варгафтик на канале «Культура» договорился до того, что нужно отказаться от понятия «гений» в пользу мастерovitости. В доказательство минут пять терзал слух телезрителей механическим оперным вокалом Сальери. Но вся теория рушится, когда слышишь Моцарта. Хотя если смотреть с чисто профессиональной точки зрения, Сальери не было равных. «Дон Жуан» Моцарта провалился с треском

на фоне оглушительного успеха опер Сальери.

Считается, что в старческом слабоумии и безумии Сальери просто оклеветал себя, когда сказал: «Я убил Моцарта». И все же прав Радзинский: слабоумие слабоумием, безумие безумием, а фраза передает суть дела. Устами старца, впавшего в младенчество, глаголила истина. Моцарт при всей общительности, расточительности и веселости характера был в сущности одинок. Его

но придавила Моцарта? Он пытался быть мрачным и в «Дон Жуане», но там не очень-то получилось.

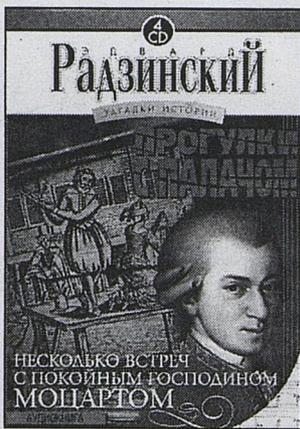
Предположение Радзинского, что Моцарту специально заказали реквием, чтобы окончательно его добить, вовсе не так абсурдно, как может показаться вначале. Моцарта «заказали» вместе с реквиемом. Моцарта убил Моцарт, а не Сальери. Лучшего яда, чем музыка, притом гениальная музыка, трудно подобрать и придумать. Так или иначе, но композитор, если не убил, то добил себя мрачной музыкой, совершенно не свойственной его веселому нраву. «Лучший из отцов», как статуя Командора, всю жизнь стоял за плечами и требовал благочестивых отчетов. Моцарт эти письма-отчеты сочинял так же исправно, как реквием.

Певицы и служанки вкупе с вкусными пражскими обедами, конечно, отвлекали от мрачных мыслей. Но чем больше Моцарт грешил, тем искреннее были его покаяния, количество которых нарастало в арифметической прогрессии соразмерно его природному темпераменту.

Пожалуй, напрасно издатели книги на дисках отказались от полноценных музыкальных иллюстраций. Казалось бы, сам Бог (вернее, сам Моцарт) велел использовать преимущество записи. Но они не использовали.

Говорят, что книга умирает. Все меньше читают. Все больше смотрят и слушают. Я не верю, что этот процесс бесконечен. Ничто не заменит тихое, молчаливое чтение с перелистыванием страниц. Но пусть и такое будет. Читать ушами, конечно, невозможно. Где-то с середины неумолимо клонит ко сну. Но ведь и с книгой кто подремать не любит? Во всяком случае, тексты Радзинского лучше слушать, нежели читать. Может, потому что чтец и драматург теснят в нем писателя. В его книгах много риторики. Множество проходных музыкальных тем, когда фраза произносится ради фразы, а пауза держится ради паузы. Он прежде всего продолжатель разговорно-исследовательского жанра, созданного Ираклием Андрониковым.

С появлением книг на дисках может наступить золотой век риторики. И кто знает, может, родится вскоре софистика древних греков и появятся у нас новые Сократы – философы-разговорники.



Эдвард Радзинский.
«Прогулки с палачом».
Исполняет Эммануил
Виторган. «Несколько
встреч с покойным
господином
Моцартом». Исполняет
Сергей Чонишвили.
Аудиокнига. М., Изд.
дом «Союз», 2004

увлеченность символической мистикой масонства достигла своего апогея в «Волшебной флейте», которую и сегодня нужно слушать с путеводителем по смысловым лабиринтам.

В борьбе со своей природной чувственностью он создает сверхчувственного «Дон Жуана». В борьбе с природной веселостью пишет мрачайший реквием. Организм не выдерживает такого насилия и надрывается на всех уровнях. Истинная причина гибели Моцарта – его титаническая попытка стать истинным масоном. Ведь в это же время он основывает свою масонскую ложу, пишет и даже успевает исполнить «Маленькую масонскую кантату». Не она ли в параллели с мрачным реквиемом окончатель-